

ВАСИЛИЙ РЯБОВ

ТЁПЛАЯ ЗЕМЛЯ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Василий Рябов

Тёплая земля

«Автор»

2026

Рябов В.

Тёплая земля / В. Рябов — «Автор», 2026

1913 год. Бывший штурман Тихон Лодыгин живёт с виной за кораблекрушение, в котором погибли девять человек. Но однажды Ольга Вересаева приносит ему записку своего пропавшего отца — участника полярной экспедиции. В ней говорится о неизвестной тёплой земле среди арктических льдов и оставлена странная подсказка: не верить карте, а следовать за птицами и небом. На старой шхуне «Лунь» они отправляются на север, где их ждут ледяные поля, предательство, борьба за жизнь и тайна острова, которого нет ни на одной карте. Но чем ближе цель, тем опаснее становится вопрос: кто первым доберётся до Тёплой земли — исследователи или те, для кого новое открытие означает только власть и богатство?

© Рябов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приключенческий роман	5
Глава первая. Утопитель	6
Глава вторая. «Лунь»	9
Глава третья. Горло	12
Глава четвёртая. Югорский Шар	14
Глава пятая. Красные бочонки	17
Глава шестая. Птицы, а не карта	19
Глава седьмая. Ледяной зуб	21
Глава восьмая. Последняя ночь «Луни»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Василий Рябов

Тёплая земля

Приключенческий роман

Карте верь, пока она честна с водой.

— *Запись в судовом журнале икхуны «Лунь»*

Глава первая. Утопитель

В Архангельске летом не темнеет, и всё дурное здесь делается при свете. Тихон Лодыгин давно это заметил. В два часа ночи, когда небо над Двиной стояло белое, как налитое молоко, он катил по сходням бочки с солёной треской, а грузчики на причале смотрели ему в спину — молча, с тем особым вниманием, с каким смотрят на человека, о котором всё известно.

Известно было вот что. Два года назад пароход «Кереть» вошёл в Горло Белого моря ночью, в тумане, и сел на камень, которого, по Адмиралтейской карте, на этом месте не было. Девять человек остались в воде. Штурман, стоявший вахту, не бросил лот: карта показывала четыре сажени, и он поверил карте. Комиссия при порте лишила его диплома. Капитан, в ту ночь спавший внизу, отделался выговором, а прошлой зимой умер от воспаления лёгких, так и не сказав вслух того, что сказал бы честный человек. Штурмана с тех пор звали «утопителем» — негромко, но так, чтобы он слышал.

Он слышал. Он и сам называл себя так, когда не спал.

— Господин Лодыгин?

Он поставил бочку и выпрямился. Шагах в пяти от него на причале стояла женщина в тёмно-сером дорожном платье, с кожаной сумкой через плечо. Лет двадцати трёх. Лицо узкое, обветренное не по-городски; светлые глаза смотрели очень прямо — так смотрит человек, привыкший наводить на резкость и не отводить взгляд, пока картинка не станет чёткой.

— Бывшего, — сказал он. — Господин Лодыгин кончился два года назад. Что вам нужно?

— Штурман. — Она произнесла это слово так, будто называла цену. — Я обошла одиннадцать капитанов. Одни смеялись, другие просили второе, а трое сказали, что к северу от Новой Земли ходит либо сумасшедший, либо Лодыгин. Сумасшедшего я не ишу.

Грузчики перестали делать вид, что не слушают.

— Здесь неудобно, — сказал он.

Чайная у Поморской пристани открывалась в пять утра для тех, кто возвращался с промысла, и в этот час в ней не было никого, кроме хозяйки, дремавшей над самоваром, и старика у окна, который сидел, подобрав под себя ноги, как сидят в лодке. Женщина выбрала стол в углу, расстегнула сумку и положила перед Тихоном трубку из позеленевшей латуни — длиной с ладонь, толщиной в большой палец, с навинчивающейся крышкой. Снаружи трубка обросла мелкими белыми ракушками.

— Меня зовут Ольга Сергеевна Вересаева. Мой отец, профессор Вересаев, в августе прошлого года ушёл на шхуне «Нерпа» искать землю к северо-востоку от Новой Земли. Двенадцать человек. Весной в Петербурге сообщили, что экспедиция погибла во льдах. Откуда сообщили — мне так и не объяснили. А в июне мезенский рыбак нашёл вот это на берегу Вайгача.

— Как Толль, — сказал Тихон. Он не хотел говорить этого вслух. — Барон тоже искал землю, и тоже...

— Барон Толль искал землю, которую видели с берега. — Она поймала его взгляд и не отпустила. — Мой отец искал землю, которую видят гуси. Это не одно и то же.

Внутри трубки лежали два листка тонкой бумаги, свёрнутые в тугой жгут. На первом был карандашный чертёж: контур острова, похожего на грушу, с отметками широты и долготы и значком вулкана — тремя короткими чёрточками над горой. На втором — несколько строк, торопливых, нажатых так, что бумага местами прорвалась.

«3 ноября 1912. Живы. Остров существует, он тёплый. Положение на чертеже ложное — нарочно, на случай если прочтёт не тот, кому предназначено. Ищите по птицам: гуси уходят на северо-восток и не возвращаются. Ищите по небу: над белым льдом оно темнеет там, где открытая вода. Карте не верьте. С. В.»

Тихон прочёл дважды. Потом достал из кармана огрызок карандаша и, не спрашивая разрешения, приложил его к чертежу, как линейку.

— Здесь, — сказал он, — по логии Норденшельда, ровное дно, сорок сажен, и никакого острова. Ваш отец либо ошибся, либо...

— Либо?

— Либо хитрый.

— Он географ, а не сумасшедший.

— Я и говорю, — сказал Тихон. — Хитрый.

Он хотел, чтобы это прозвучало как насмешка, но голос подвёл. Последняя фраза записки засела в нём, как заноза: «Карте не верьте». Он слишком хорошо знал цену тому, что бывает, когда веришь.

— Я не умею ходить по птицам, — сказал он наконец. — Я умею ходить по карте. И однажды этого оказалось недостаточно. Вам нужен не я.

— Девять человек, — тихо сказала Ольга. — Мне говорили. Я знаю, что вы не захотите брать на себя ещё двенадцать.

— Я ничего не...

— Берёт, — сказал вдруг старик у окна.

Он не обернулся. Голос у него был сухой и ровный, как скрип снасти. Теперь Тихон увидел, что на левой руке у старика не хватает двух пальцев, а на колене лежит шапка, которую тот мял с неспешным упорством.

— Мефодий Игнатьич, — выдохнул Тихон. — Вы-то что...

— Я твоего батьку на Зимнем берегу хоронил, — сказал старик. — Лощман был. Он тебе что говорил? Что лот — тот же глаз, только в воде. Глаз ты забыл дома, Тишка, оттого и сел на камень. Забыл — вспомнишь. — Он наконец повернул голову: серые глаза в сетке морщин, насмешливые и добрые. — Кормщиком пойду с ней. Шхуну сыщу. Ты, если не дурак, пойдёшь штурманом.

Тихон долго молчал. На улице проскрипела телега, ударили к ранней обедне колокола.

— До первого льда, — сказал он.

— До нашего, — поправила Ольга. — Не до первого.

Когда они вышли на причал, солнце уже стояло высоко, и Двина слепила глаза. На сваях у воды, в тени штабеля досок, курил человек в котелке и чистых ботинках — слишком чистых для этих мест. Он не смотрел на них. Он смотрел на воду так внимательно, как смотрят на то, что совсем не интересует.

После разговора в чайной Тихон не сразу пошёл домой. Он долго стоял у воды, наблюдая, как по Двине тянет щепки, листья и радужные пятна мазута. Город уже просыпался. С другого берега доносились удары молота, где-то ругались грузчики.

Он достал из кармана карандаш и написал на обороте старой квитанции два слова: «птицы» и «небо». Потом ниже: «Вайгач».

Получилась смешная карта.

Два года он избегал любого дела, где требовалось выбирать курс за других. Отказывался даже вести баркас через знакомую протоку. Работал грузчиком, потому что бочка, в отличие от корабля, отвечала только за себя. Теперь незнакомая женщина принесла ему записку, в которой кто-то специально солгал координатами и при этом требовал довериться миру больше, чем бумаге.

Тихон скомкал квитанцию и бросил в воду. Через секунду выругался, достал багор у свай и выловил её обратно.

— Совсем дурак, — сказал он себе.

Но бумагу высушил и положил в карман.

Дома он достал из шкафа старый кожаный футляр с секстаном. Два года не открывал. Замки заели. Когда крышка поднялась, внутри пахло металлом и машинным маслом. На внутренней стороне оставалась царапина, сделанная ещё на «Керети».

Тихон провёл по ней пальцем.

Утром он пришёл в Соломбалу раньше Мефодия.

Глава вторая. «Лунь»

Шхуна стояла в Соломбале, в дальнем углу верфи, куда не заходили даже за дровами, и первое, что подумал о ней Тихон, было: «Старуха». Двухмачтовая, шестидесяти двух тонн, построенная на Онеге в девяносто восьмом году, с корпусом в два слоя лиственницы и с носом, по-старинному подрезанным для льда. На борту чёрной смолой выведено: «ЛУНЬ». Почему поморы окрестили морское судно степной хищной птицей, Мефодий объяснил одной фразой: «Лунь над землёй стелется и не падает».

— Двадцать пять сил, «Болиндер», — он хлопнул ладонью по рубке, как по крупу лошади. — Парус даёт ход, а мотор — ум. Ледового пояса нет, зато лиственница на сжатие держит лучше железа. Я на такой в Югорском Шаре зимовал.

Ольга заплатила за шхуну всем, что у неё было: продала отцовскую библиотеку, материнское серебро и половину фотографических пластин. Об этом она сказала один раз, в самом начале, ровным голосом, и больше не возвращалась. Тихон понял, что она не жалуется и не хвастает: она перечисляет потери, как штурман перечисляет остаток провизии.

Две недели ушло на оснастку. Тихон проверял каждый блок, каждый вант-путенс, перебрал секстан и оба хронометра — старый судовой и малый карманный, который Ольга упрямо называла «папиным», — выверил компас на девиацию, последовательно ставя шхуну носом на все румбы у Бакарицы. Он работал так, как работают люди, которым нельзя думать: руками. К вечеру второго дня он заметил, что впервые за два года не слышит в голове слова «утопитель».

Команда составила сама. Машиниста Фролова рекомендовало пароходство — тихий жилистый человек лет сорока, с руками, вечно чёрными в стигах, и привычкой смотреть мимо собеседника. Мотор он выслушал, как врач слушает больного, за час нашёл три неисправности и все устранил. «Хороший», — сказал Мефодий и ничего больше не прибавил, но вечером на баке долго стругал щепку, и по тому, как он стругал, Тихон понял: хороший — не значит «нравится». Позже, на общем сходе в Соломбале, Ольга прочла записку отца вслух: те, кто идёт с ней, вправе знать, зачем.

Ренне приехал на третий день.

Он прикатил в закрытой коляске, один, в светлом пальто, в замшевых перчатках, с золотыми дужками пенсне. Ему было лет пятьдесят, и выглядел он как человек, привыкший, чтобы с ним соглашались, — не повелительно, а любезно, почти нежно. Его «Северо-Сибирское товарищество» держало пол-архангельского порта.

— Ольга Сергеевна, — сказал он, остановившись у трапа и поклонившись снизу вверх: жест, который был вежливостью и в то же время давал ему право оглядеть её, как купец оглядывает товар. — Я имел честь принимать участие в судьбе вашего батюшки. Мне бесконечно больно, что результаты оказались столь печальными.

— Благодарю.

— Я пришёл с предложением. Вы нашли некие бумаги. Продайте их мне — пятнадцать тысяч рублей, по нынешним временам сумма значительная. А в сентябре мой ледокольный пароход «Градислав» пойдёт по тому же маршруту, с настоящей экспедицией, с врачом, с запасами. Вы будете почётной гостьей. Без риска. Без этой... — он оглядел «Лунь» и ничуть не изменился в лице, — без этой скорлупки.

— Бумаги не продаются.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — Север, Ольга Сергеевна, не Петербург. Там не бывает свидетелей, и всё, что случается, случается просто потому, что случается. Подумайте. — Тут он впервые поднял глаза на Тихона, и пенсне блеснуло, ничего не выражая. — А вас, господин Лодыгин, я рад видеть в деле. Люди с вашим опытом редко получают второй шанс. Им надо дорожить.

Коляска укатила. Ольга стояла неподвижно, а потом провела ладонью по планширю, будто стирала след.

— Он знал вашу фамилию, — сказала она. — Знал, что вы пойдёте. Мы ещё никому не называли штурмана.

— Порт, — сказал Тихон. — В порту всё знают.

— Вот именно, — ответила она. — Всё.

Двадцать восьмого июля, перед самым отходом, в хлебном рундуке под палубой нашли мальчишку. Лет четырнадцати, в мужском картузе не по размеру, с сухарём в каждом кулаке.

— Фамилия?

— Сидоров. Павел. Соломбальский. — Он поднял подбородок. — Я умею. Я на «Святом Николае» подручным у плотника был.

— Ты нам не нужен.

— А я себе нужен, — сказал мальчишка. И после паузы: — Мамки нет. Батька в Белом море остался. Ежели ссадите, я на другую шхуну залезу. Дольше искать будете.

Мефодий посмотрел на Тихона, на Ольгу, и в его лице что-то дрогнуло.

— Юнгой, — сказал он. — Жалованье — харчи и шиш. А кто ему слово скажет не по делу, тот со мной разговаривает.

В полночь, под белым небом, «Лунь» отошла от Соломбалы. Мотор стучал ровно. Тихон встал к штурвалу — впервые за два года — и ладони, вспомнив рукояти раньше головы, сжали их так, как сжимают оружие. На причале никого не было, кроме человека в котелке; он снял его, когда шхуна уходила, и поклонился — насмешливо или нет, было не разглядеть.

— Курс? — спросил Мефодий.

— На Горло, — сказал Тихон. И подумал: «На тот самый камень».

В последние дни перед отходом Соломбала жила вокруг «Луни» так, будто шхуна уже стала частью верфи. К ней носили мешки, бочки, ящики, канаты; возле трапа ругались поставщики, плотники и человек из портовой конторы, который трижды приносил одну и ту же бумагу с разными печатями. Ольга платила, пересчитывала, спорила и записывала каждую копейку в маленькую тетрадь. Деньги заканчивались быстрее списка.

— Ещё керосин, — сказал Фролов, заглянув в тетрадь через её плечо.

— Вчера вы сказали, что достаточно.

— Вчера мотор не кашлял.

— Сегодня кашляет?

— Пока нет. Поэтому и надо купить.

Ольга посмотрела на него с подозрением, потом на Тихона.

— Все моряки так разговаривают?

— Нет. Некоторые хуже.

Фролов будто не услышал. Он стоял рядом с ящиком инструментов, руки по локоть в масле, и казался человеком, который легче объяснит характер двигателя, чем собственный.

Тихон видел, как команда складывается из случайных людей. Мефодий знал его отца. Ольга была единственной причиной самого похода. Фролов пришёл по рекомендации. Пашка вообще залез тайком. Ни один разумный капитан не назвал бы это командой.

Вечером перед отходом Ольга устроила на палубе общий снимок. Мефодий ругался, Пашка вертелся, Фролов попытался уйти к машине.

— Стоять, — сказала Ольга.

Он остановился.

— Я плохо получаюсь.

— Это не имеет значения.

— Тогда зачем?

Ольга поправила пластину.

— Чтобы потом никто не мог сказать, что вас здесь не было.

Фролов посмотрел на неё так быстро, что Тихон заметил. Через секунду лицо снова стало обычным.

Снимали дважды. На первом Пашка моргнул. На втором Мефодий отвернулся на гудок парохода. Ольга сказала, что оставит оба.

Ночью Тихон не спал. Он обходил шхуну, проверял уже проверенное, трогал ванты, заглядывал к компасу, слушал мотор. Возле носовой надстройки увидел Пашку. Тот сидел на свернутом канате.

— Тебе спать велели.

— Не получается.

— Боишься?

— Нет.

— Значит, боишься.

Пашка помолчал.

— А вы?

Тихон хотел ответить привычным «нет». Потом посмотрел на белое архангельское небо.

— Да.

Мальчишка явно не ожидал.

— И всё равно пойдёте?

— В этом обычно и состоит работа.

Пашка обдумал.

— Тогда я тоже работаю.

Тихон почти сказал, что юнга пока ничего не делает. Но не сказал.

На берегу, за штабелем леса, мелькнула фигура в котелке. Тихон успел увидеть только блеск чистого ботинка.

Он не стал будить Мефодия. Просто добавил ещё одну вещь к списку того, что надо проверять.

Глава третья. Горло

Горло Белого моря в хорошую погоду — это просто вода. Широкая, зеленоватая, с белыми шапками на отмелях и с приливным течением, которое тянет судно то на север, то на юг с упорством судебного пристава. Тихон знал каждую его складку. Он мог бы пройти Горло с закрытыми глазами — и именно поэтому запретил себе так делать.

— Лот, — сказал он.

Мефодий не спросил «зачем». Пашка уже стоял на русленях с ручным лотом, со свинцовой чушкой на лотлине с марками из кожи, тряпки и красной нитки, и, не дожидаясь второй команды, раскрутил и бросил.

— Пять с половиной! — крикнул он, выбирая линь, и голос у него вышел тонкий, ломкий. — Грунт — песок!

— Ещё.

— Пять!

Так шли два часа. Тихон не отрывал глаз от линя в руках мальчишки и от воды под бортом, и только к полудню понял, что делает: он заново учится верить. Но не карте. Воде.

Корга подошла так, как подходит всегда: не появилась, а проступила — пятно побелевшей воды, на котором не было ряби. Тихон увидел её раньше, чем лот.

— Четыре! — сказал Пашка. — Три с половиной!.. Три!..

— Право на борт, — сказал Тихон спокойно. — Малый ход.

«Лунь» послушно легла вправо. Две сажени. Полторы. Одна... Здесь, на этой самой одной сажени, Адмиралтейская карта девяносто третьего года обещала четыре, а осенью одиннадцатого года под килем «Кереть» не оказалось вообще ничего.

— Полторы! — выкрикнул Пашка. — Дальше глубже! Три!.. Шесть!

Мефодий выдохнул — тихо, сквозь зубы. Только тогда Тихон заметил, что костяшки его пальцев на рукоятях штурвала побелели.

— Вот и вся наука, — сказал старик. — Чем дольше живёшь у воды, тем меньше веришь бумаге.

На берегу, над чёрной полосой отлива, стоял деревянный крест, а рядом, наполовину в песке, торчало ребро шпангоута. Девять имён на кресте с судна не прочтёшь, но Тихон знал их наизусть. Он снял шапку и держал её в руке, пока крест не ушёл за корму.

— Ольга Сергеевна, — окликнул он. — Если хотите — снимайте.

Она уже навела аппарат. Выдержку она держала долго, дольше, чем нужно для света, — пока шхуна не прошла траверз.

— Зачем вам это? — спросил он потом.

— Чтобы это было где-то, где оно есть. — Она закрыла камеру. — Карта показывает то, чего нет. Фотография — то, что есть. Мне всегда казалось, что одно должно исправлять другое.

В тот вечер Тихон достал из ящика штурманского стола лист кальки и тушью начал вычерчивать то, чего не было ни на одной карте: корга, глубина одна сажень, белое пятно у косы, в прилив течение на север — три узла. Он рисовал медленно. Закончив, подписал внизу: «Л. 1913. По лоту». И не стал прятать лист в стол.

Крест на берегу исчез за кормой, но разговор о нём остался. Пашка несколько раз подходил к Тихону и каждый раз передумывал что-то спрашивать. Наконец вечером всё-таки решился.

— Там правда девять?

— Девять.

— И юнга?

Тихон кивнул.

— Четырнадцать лет?

— Да.

Пашка посмотрел на свои руки.

— Как я.

— Поэтому без приказа на руслени не лезешь. На ванты — тоже. И вообще никуда, откуда можно упасть.

— А если приказ будет?

Тихон выдержал его взгляд.

— Тогда сначала думаешь, зачем он дан.

— Так приказ же.

— Именно.

Мефодий, стоявший у рубки, усмехнулся.

— Вот до чего дошёл. Раньше взрослые учили детей слушаться, теперь штурман учит думать.

— Поздно начал, — сказал Тихон.

— Лучше поздно, чем после второго креста.

Пашка больше не спрашивал. Но на следующем промере бросил лот особенно внимательно.

Глава четвёртая. Югорский Шар

За Колгуевом их взял шторм. Он шёл с северо-запада, серый, плотный, и сорок часов «Лунь» то взбиралась на волны, то съезжала с них, черпая бортом воду. Ольга привязала себя к мачте рядом с Тихоном и всё это время, пока хватало сил, снимала — «видоискатель мокрый, врёт, но другого нет». Фролов не выходил из машинного отделения. На вторые сутки Тихон спустился к нему: тот сидел между рычагами, серый, с воспалёнными глазами, и тихо, почти ласково говорил мотору: «Ну-ну, милый. Ну-ну». Тихон потом долго не мог связать этого человека с тем, кто смотрел мимо собеседника.

Первый лёд они встретили в шести милях от Югорского Шара — разрозненные льдины, белые, как рафинад, с зеленоватыми бортами. Пролив открылся утром шестого августа: узкий, быстрый, с чёрными скалами Вайгача слева и плоским материковым берегом справа. У деревянного креста на берегу стояло несколько чумов и один человек. Он стоял неподвижно, как стоят люди, привыкшие ждать зверя.

— Вы дочь Сергея Павловича, — сказал он, прежде чем Ольга назвала себя. Он говорил по-русски чисто, неторопливо, с мягкой точностью человека, который каждое слово обдумывает дважды. — У вас его подбородок. Меня зовут Ильча. Он жил у нас пять дней в августе прошлого года. У меня в чуме была корь, дочь... Он не уехал, пока она не пошла на поправку. Его люди ждали. Он сказал: кто отдаёт время, тот отдаёт всё. С тех пор я должен.

— Мы пришли не за долгом, — сказала Ольга.

— Я знаю. — Ильча посмотрел на небо, потом на воду. — Я ходил с ним до кромки льда, три дня на лодке. Там я видел, куда ушли гуси. Они не улетели. Они пошли над льдом, низко, как идут к дому. — Он помолчал. — Старики говорят: над тем краем неба зимой стоит дым. Не туман. Дым.

Тихон и Мефодий переглянулись.

— Нужен проводник, — сказал Мефодий.

— Нужны лодка для льда, нарта и человек, который не боится идти пешком, когда корабль умрёт, — ответил Ильча. — Корабль умрёт. Лёд как рыба: сначала даёт, потом берёт.

— Сколько вы хотите? — спросила Ольга.

— Ничего. Привести его живым. Или сказать моей жене, что не привёл.

Пока на борт грузили пресную воду и вяленое мясо, Пашка, сидевший на бочке с канатом, увидел, как Фролов на берегу передаёт запечатанный пакет мезенскому промышленнику, который шёл обратно в Архангельск. Ничего особенного: людям случается писать письма. Пашка решил, что ему показалось, и сам же в это не поверил.

Шторм пришёл после полудня, но до вечера ещё оставлял им надежду, что пройдёт стороной. Низкая туча тянулась от самого горизонта, и море под ней темнело полосами. Мефодий дважды менял паруса, ругаясь не на ветер, а на тех, кто когда-то придумал снасти, которые приходится убирать именно тогда, когда руки меньше всего слушаются.

Тихон стоял у штурвала и чувствовал, как старая привычка возвращается не памятью, а телом. Шхуна валится на левый борт — дать немного под ветер. Волна подхватывает корму — не дать ей развернуть. На карте вокруг было достаточно чистой воды, но после Горла карта уже не успокаивала. Каждые полчаса он заставлял Пашку бросать лот, хотя глубина не менялась.

— Опять? — не выдержал мальчишка на третий раз.

— Пока не надоест спрашивать, — ответил Тихон.

Пашка скривился, но пошёл к русленям. Мефодий услышал и усмехнулся.

— Правильно. Лот любит тех, кому надоедает позже, чем морю.

К ночи ветер усилился. Ольга сначала пыталась снимать с палубы, привязав аппарат к стойке, но первая же серьёзная волна окатила её вместе с чёрным ящиком. Тихон хотел прика-

зять ей уйти вниз, однако она уже сама закрывала объектив и, кашляя от солёной воды, тянула ремень крепления ту же.

— Вы утопите аппарат, — сказал он.

— Тогда останутся глаза.

— И что вы ими снимете в темноте?

— Вас, когда вы перестанете командовать не своим отделением.

Он неожиданно рассмеялся. Смех вышел короткий, почти злой, но после него стало легче.

На второй ночной вахте лопнула снасть. Гик дёрнулся так, что мог снести человека за борт. Пашка оказался ближе всех и застыл, не понимая, куда бросаться. Фролов выскочил из машинного люка, хотя его никто не звал, схватил мальчишку за ворот и швырнул к рубке, а сам всем телом навалился на конец.

— Выбирай! — рявкнул Мефодий.

Тихон впервые услышал, чтобы старик кричал от страха.

Втроём они удержали снасть. Фролов потом молча спустился к мотору. На ладони у него осталась длинная кровавая полоса от каната. Он завернул её тряпкой и даже не посмотрел.

— Спасибо, — сказал Пашка ему вслед.

Фролов остановился на ступеньке.

— В следующий раз не стой, — сказал он. — Что-нибудь делай. Хоть неправильное.

Позже, когда море на несколько минут стало ровнее, Тихон нашёл Фролова у машины. Тот сидел на ящике, положив перевязанную ладонь на колено.

— Руку покажите.

— Работает.

— Я не про это.

Фролов всё же протянул ладонь. Рана была неглубокой.

— Вы Пашку спасли.

— Он под гиком стоял.

— Я видел.

Фролов поднял глаза. В них мелькнуло что-то настороженное, словно благодарность была опаснее обвинения.

— Мотор держится, — сказал он вместо ответа. — Только топливо уходит быстрее. Если ветер не стихнет, к проливу придём с меньшим запасом.

Тихон кивнул. На выходе он задержался и услышал, как Фролов снова заговорил с мотором своим тихим, почти ласковым голосом. После этого подозревать его стало труднее. И оттого — неприятнее.

На Вайгаче они задержались почти сутки. Ильча не соглашался идти, пока не закончит то, что обещал жене: починить жердь у чума, принести воду и проверить девочку, которую год назад лечил профессор Вересаев.

Девочке было лет семь. Она сидела у входа, завернувшись в мех, и рассматривала Ольгин аппарат.

— Он забирает человека? — спросила она.

Ильча перевёл.

— Нет, — сказала Ольга. — Только свет.

Девочка подумала и встала перед камерой.

Ольга сделала снимок. Потом ещё один — Ильча с дочерью. Он сначала отказался, потом согласился при условии, что Ольга когда-нибудь пришлёт карточку обратно.

— Если вернёмся, — сказала она.

Тихон слышал собственную привычную фразу в её голосе и посмотрел на неё. Она поймала взгляд.

— Что?

— Ничего.

Перед отходом жена Ильчи долго говорила с ним на своём языке. Голос был спокойный, но руки она всё время держала на его рукаве. Потом сунула ему маленький мешочек.

— Что там? — спросил Пашка, когда они отошли.

— Еда.

— Какая?

— Домашняя.

— А попробовать?

— Нет.

Пашка воспринял отказ как личное оскорбление.

Ильча усмехнулся.

— Когда сильно захочешь домой, тоже будет.

Эта остановка изменила его для Тихона. До сих пор Ильча казался частью Севера — человеком, который просто возникает возле льда и знает, куда смотреть. Теперь у него была жена, дочь, сломанная жердь, обещанная фотография. Значит, и цену похода он платил не меньше остальных.

Ночью, когда «Лунь» уже выходила из пролива, Тихон увидел на берегу три огонька. Ильча стоял на корме, пока они не исчезли.

— Можно ещё вернуться, — сказал Тихон.

— Можно, — ответил тот.

— Почему не возвращаетесь?

Ильча пожал плечами.

— Я уже обещал привести человека живым.

— Профессора?

— Всех, кого смогу.

Тихон запомнил эту поправку.

Глава пятая. Красные бочонки

Карское море встретило их туманом. Он лёг на воду сразу за проливом, плотный, влажный, пахнувший железом и талым снегом, и «Лунь» шла в нём на малом ходу, ощупывая путь лотом и слухом. В тумане звуки жили отдельно от вещей: где-то справа шипел лёд, где-то слева, невидимые, перекликались утки, и Ильча стоял на баке с таким лицом, будто слушал музыку.

Первый бочонок нашёл Пашка. На третий день он сидел на салинге фок-мачты и, оглядывая лёд в бинокль, заметил за кормой красное пятно: просмолённый бочонок с лоскутом на колышке, качающийся в полумиле позади. Подумал: «Наш». Потом: «А мы ничего не бросали». На следующий день он видел второй, ровно по оси их пути. А в полдень он, лёжа за бухтой каната, увидел сам: Фролов вышел из люка с жестяной банкой «для отработанного масла» и, не глядя по сторонам, опустил что-то за борт. Красная точка нырнула, вынырнула и поплыла.

С этим мальчик пошёл к Мефодию, а не к штурману: старик пугал его меньше.

Ночью, когда шхуна на минуту замедлила ход, Пашка багром подцепил бочонок за кормой. Внутри оказалась жестяная коробочка из-под леденцов, а в ней записка карандашом: «9 авг. 13 ч. Туман. Ход 4. Курс ОНО. Лёд редкий. Ф.»

Мефодий положил бумагу на штурманский стол. Все посмотрели на неё. Ольга побледнела.

— За борт его, — сказала она. — Сейчас.

— И что будет? — спросил Тихон. — Ренне пришлёт другого. А этого мы хотя бы знаем.

— Вы сами говорили: верить глазам.

— Глаза видят бочонок. Они не видят человека. — Он поднял листок. — Он двое суток не вылезал из машины. Я не знаю, кто он. Но пока я не узнаю, он нужен нам в машине, а не за бортом.

Мефодий хмыкнул — то ли одобрительно, то ли нет.

— Тогда идём туда, куда он думает, что мы идём, — сказал он. — На ложную точку. Пусть Ренне видит, что мы верим чертежу.

Бочонок лежал на столе между ними, мокрый и невинный. Красный лоскут прилип к дереву, вода стекала с просмолённых боков на пол. Записка была такой короткой, что от этого казалась страшнее: дата, время, курс, лёд. Ничего личного. Именно так и передают чужую жизнь — цифрами.

Ольга ходила по тесной кают-компании от стены к стене.

— Мы высадим его на первой льдине, — сказала она.

— И через два часа у нас встанет мотор, — ответил Тихон.

— Тогда свяжем.

— И кто будет работать вместо него?

— Вы защищаете его?

— Нет. Я защищаю нас.

Мефодий сидел возле двери и строгал щепку. После каждого движения тонкая стружка падала ему на сапог.

— Если человек хочет продать, куда мы идём, — сказала Ольга, — он не член команды.

— А если человек по какой-то причине хочет только сообщать? — спросил Тихон. — Мы не знаем, что ему обещали. Не знаем, что приказали. Не знаем даже, кому именно он пишет.

— На записке буква «Ф».

— Глаза видят букву. Всё остальное мы сейчас дорисовываем.

Ольга резко остановилась.

— Удобно. Получается, что после вашей карты теперь вообще ничему нельзя верить.

Тихон почувствовал, как слова попали туда, где ещё болело.

— Нет. Получается, что проверять надо всё.

Мефодий перестал строгать.

— А вот это уже похоже на штурмана.

Решили наблюдать. Пашке запретили геройствовать и велели сообщать о каждом странном движении Фролова. Мальчишка возмутился: он, оказывается, и без приказа собирался геройствовать, но спорить с Мефодием не решился.

На следующий день Тихон специально попросил Фролова подняться на палубу и сам спустился в машину. Там всё было на своих местах: инструмент разложен, масло закрыто, запасные прокладки подписаны карандашом. На переборке висела фотография девочки лет девяти в белом платье. Она стояла возле какого-то южного дерева с узкими листьями и щурилась от солнца.

Тихон не стал снимать фотографию и смотреть оборот. Он просто запомнил её.

Вечером Фролов застал его у люка.

— Искали что-нибудь?

— Проверял машину.

— Нашли?

— Хорошего машиниста.

Фролов чуть заметно побледнел.

— Мефодий уже говорил.

— Он говорил о моторе.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Потом Фролов первым отвёл глаза.

Ночью Тихон изменил порядок вахт и дал ложный курс так, чтобы его слышал весь кубрик. Утром Пашка сообщил: ещё один бочонок ушёл за корму.

— Значит, слушает, — сказал Мефодий.

— Значит, пока передаёт то, что мы хотим, чтобы он передавал, — ответил Тихон.

Тихону стало по-настоящему ясно, что у них теперь два маршрута: один по морю, другой — в голове человека, который жил рядом, ел из общего котла и по ночам сообщал кому-то, куда они идут.

Наблюдение за Фроловым постепенно превратило всех в плохих актёров. Пашка слишком быстро отворачивался, когда машинист выходил на палубу. Ольга становилась чрезмерно вежливой. Мефодий, напротив, разговаривал с ним так обычно, что это выглядело подозрительнее всего.

Фролов замечал.

Однажды за ужином он положил ложку.

— Если хотите спросить — спросите.

Никто не ответил.

— Тогда перестаньте смотреть, как будто у меня второй рот на затылке.

— А есть? — не удержался Пашка.

Мефодий пнул его под столом.

Тихон сказал:

— Мы идём в неизвестное место. Все нервничают.

Фролов посмотрел прямо на него.

— Я тоже.

В короткой фразе слышался вызов: человек, которого подозревали, требовал права бояться вместе со всеми.

Глава шестая. Птицы, а не карта

Они пришли на ложную точку на пятый день. Тихон остановил мотор, спустил глубоководный лот на всю длину — сорок две сажени, ровный илистый грунт, — потом ещё раз и ещё. Острова не было. Не было даже мели.

— Я это знала, — сказала Ольга. Она стояла у фальшборта, голос у неё был спокойный, но руки, вцепившиеся в планширь, дрожали. — Я писала себе это на ладони. И всё равно...

— Всё равно надеялись, что карта честна, — сказал Тихон. — Я тоже.

Он поймал себя на том, что говорит почти весело, и удивился. Потом понял: ему стало легче. Карта больше не требовала веры, и можно было заняться делом.

Ночью туман на час разошёлся, и над ними прошли гуси. Тихон услышал их раньше, чем увидел: далёкий густой гомон, будто рядом пересыпали горох. Потом они показались — клин за клином, низко, чёрными запятыми на сером. Они шли справа налево, с юго-запада на северо-восток.

— Курс на их хвост, — негромко сказал Ильча. — Они знают.

Тихон снял румб по компасу, поправил наклонение и записал в журнал: «ENE, 62°». Потом поднялся на ванты и долго смотрел туда, куда ушли птицы. Над горизонтом стояла низкая сплошная облачность, и в одном месте, на самом краю, она темнела — словно кто-то прижал к небу мокрую ладонь.

— Водяное небо, — сказал снизу Мефодий. — Там вода. Открытая, среди льда.

— Или остров, — сказал Тихон. — Тёплая земля греет воздух, и вокруг неё...

Он не договорил. Даже теория, которую он мог бы объяснить, показалась ему слишком надёжной, чтобы быть правдой.

В ту же ночь «Лунь» погасила огни, остановила мотор и под одним кливером повернула на ENE, к тёмной полосе под небом. Мефодий просидел всю ночь на крышке машинного люка, будто просто курил. Пашка не спал. К рассвету Фролов вышел на палубу, посмотрел на компас, потом на Тихона — и промолчал. И Тихон понял, что они сделали первый ход в игре, где ставкой был сам этот человек.

На ложной точке они задержались дольше, чем требовалось. Тихон настоял на трёх промерах, потом на четвёртом — в стороне, где по рисунку профессора могла быть отмель. Везде свинец приносил наверх один и тот же серый ил.

Ольга сначала стояла рядом. Потом отошла на нос и долго смотрела в пустую воду.

— Вы знали, что здесь ничего нет, — сказал Пашка, подойдя к ней.

— Знала.

— Тогда чего расстроились?

Она подумала.

— Потому что надежда глупее знания.

— Это плохо?

— Иногда спасает.

К вечеру она достала аппарат, но снимать было нечего: вода, туман, кусок мокрой палубы. Всё же она поставила треногу.

— Что вы снимаете? — спросил Тихон.

— Место, где нет острова.

— Зачем?

— Чтобы потом не придумать себе, будто он здесь был.

Эта фраза понравилась Тихону больше, чем он хотел показать.

В ночь, когда прошли гуси, никто сначала не понял, сколько их. Они шли не одним клином, а десятками, потом сотнями. Туман двигался вместе с ними, и временами казалось, что

сами птицы вырезаны из серого воздуха. Ильча поднялся с койки ещё до того, как их увидели, будто его разбудил знакомый голос.

Он стоял у борта и считал не птиц, а промежутки между стаями.

— Не перелёт, — сказал он. — Они здесь рядом жили. Сейчас идут туда.

— Почему? — спросила Ольга.

— Потому что там можно сесть.

Тихон взял пеленг. Потом второй. Через четверть часа третий. Все сходились.

Фролов вышел на палубу, увидел разворот компаса и ничего не спросил. Тихон наблюдал за ним краем глаза. Машинист постоял, засунув руки в карманы, потом спустился вниз.

Пашка шепнул:

— Бочонок будет?

— Не трогай его.

— А если...

— Именно поэтому не трогай.

До рассвета они шли без огней. Один раз далеко за кормой блеснуло что-то белое, и все замерли, решив, что это прожектор. Но свет исчез — либо льдина повернулась, либо ночь сама решила напомнить, что за ними может кто-то идти.

Тихон записал в журнал новый курс и долго держал карандаш над страницей. Потом ниже добавил: «По птицам и водяному небу».

Это было первое в его жизни штурманское решение, которого не существовало ни в одной лоции. И странным образом именно поэтому оно казалось самым честным.

Утром после поворота на северо-восток Фролов не бросил бочонок. Пашка следил за ним до полудня, потом до вечера, потом прибежал к Тихону.

— Не было.

— Чего?

— Вы знаете.

— Может, кончились.

— У него ещё банка в машине.

Тихон кивнул.

На следующий день бочонка тоже не было.

Это ничего не доказывало. Может быть, Фролов понял, что его раскрыли. Может быть, ждал удобного момента. Может быть, теперь передавал сведения другим способом.

Но Тихон заметил другое. Машинист стал чаще выходить на палубу и смотреть туда же, куда Ильча — на тёмную полосу под облаками. В его взгляде не было жадности человека, который ведёт преследователей к цели. Скорее усталое любопытство.

Когда вечером Пашка спросил, считать ли это хорошим знаком, Тихон ответил:

— Считай это знаком. Хорошим или плохим узнаем потом.

— Очень удобно быть штурманом.

— Почему?

— Можно на всё отвечать «потом».

Тихон подумал и признал, что мальчишка прав.

Глава седьмая. Ледяной зуб

Лёд в Карском море в августе совсем не похож на тот, что рисуют на открытках. Он не белый и не сплошной: серый, ноздреватый, весь в синих лужах, с чёрными полыньями, дымящимися паром на холоде. И он живой. Это Тихон понял на шестой день после поворота, когда льдина, на которую он смотрел с ванты, медленно, как стрелка часов, повернулась на месте.

Неделю они шли по разводьям на водяное небо. Мотор стучал на малых оборотах, Ильча сидел на бушприте и показывал рукой — туда, где вода темнее, — а Тихон переводил его жесты в румбы. «Лунь» протискивалась, вжималась, давала задний ход и снова лезла вперёд, и листовенничные борта скрипели.

Девятнадцатого августа ветер повернул на север.

— Будет сжатие, — сказал Ильча так спокойно, что Тихон не сразу понял вес этих слов.

К полудню разводья, по которым они шли, начали закрываться. Льдины напоздали друг на друга краями и выдавливали вверх белые гребни — Мефодий называл их «зубами». Небо стало жёлтым. К вечеру Тихон увидел то, чего боялся все эти дни: справа и слева от шхуны два ледяных поля тронулись навстречу друг другу, неторопливо, как челюсти.

— Всё на лёд, — сказал он.

— Рано, — сказал Фролов, выходя на палубу. Это были его первые слова за двое суток. — Борт держит. Лиственница...

— Борт продержится часов шесть. Потом лопнет. Я не хочу вытаскивать ящики из воды. Выгружаемся сейчас.

Он ждал спора. Спора не было. Мефодий уже спускал на лёд лёгкий вельбот, который они с Ильчой ещё в проливе поставили на полозья, а Пашка, мигом поняв, что слов больше не будет, потащил по трапу мешки с сухарями.

Они работали четыре часа. Консервы, мука, сахар, сало, бочонок керосина, палатка, печка, ружья по сорок патронов на каждое, секстан, бинокль, лощи, вахтенный журнал, чертёж и записка. Судовой хронометр Тихон повесил себе на шею; «папин» уже лежал за пазухой у Ольги. Лёд под ногами то дрожал, то глухо ухал. В десятом часу вечера шхуна накренилась — легко, как человек, которого задели локтем.

Потом она закричала. Дерево кричит иначе, чем железо. Шпангоуты лопались один за другим, с сухим звуком, похожим на пистолетный выстрел; ледяной зуб подхватил «Лунь» под левую скулу, она выпрямилась, подалась вверх и села на бок.

— Ящик! — вскрикнула Ольга. — Второй ящик, с пластинами, в кают-компании!

Тихон шагнул к борту, но Мефодий поймал его за рукав.

— Куда, дурень.

Фролов уже поднимался по накренившейся палубе. Он не сказал ни слова. Они слышали, как он ломает дверь, как гремит что-то тяжёлое, потом он показался в люке, держа ящик перед собой, как ребёнка, и начал спускаться. Трап оборвался. Фролов упал на лёд с высоты двух сажен и не выпустил ящика.

Ольга подбежала первой. Он лежал на спине, обнимая ящик обеими руками, и смотрел на неё снизу вверх — так смотрят, когда не знают, что сказать.

— Цел, — выдохнул он. — Ящик цел.

Она не сказала «спасибо». Она положила ему ладонь на плечо — на здоровое, второе висело странно — и подержала секунду. Тихон стоял в стороне. В нём не помещались вместе две правды: бочонок и это.

На третий день в разводьях Тихон ошибся.

Ошибка была маленькой — всего один проход между двумя полями, который сверху казался шире соседнего. С ванты он увидел тёмную воду и решил, что она ведёт дальше. Ильча долго смотрел туда, потом сказал:

— Не нравится.

— Почему?

— Вода стоит.

Тихон проверил ветер. Полоса действительно была почти неподвижной, но другой путь отнимал полдня.

— Пройдём на малом.

Мефодий ничего не сказал. Это было хуже спора.

Через полчаса проход начал закрываться. Не резко — льдины просто медленно повернулись краями внутрь, словно кто-то за горизонтом сводил пальцы. Тихон дал задний ход. «Лунь» отозвалась не сразу: винт взбил ледяную кашу, корпус дёрнуло.

— Ещё! — крикнул он Фролову.

Мотор заревел.

Слева льдина легла бортом на лиственницу. Дерево протяжно скрипнуло. Пашка побледнел.

— Шест! — крикнул Мефодий.

Они отталкивались баграми, пока «Лунь» сантиметр за сантиметром пятится обратно. Когда нос наконец вышел в широкую воду, Ильча спокойно сказал:

— Вот теперь можно тем проходом.

Тихон ждал насмешки. Её не было.

— Я решил сэкономить полдня, — сказал он.

— Потеряли два часа, — ответил Ильча. — Значит, ещё дешево.

Вечером Тихон сам внёс ошибочный проход на кальку и перечеркнул его двумя линиями.

Ольга подошла, увидела отметку.

— Обычно карты не отмечают, где картограф ошибся.

— Поэтому им и верят больше, чем надо.

— Вы теперь будете записывать каждую ошибку?

— Если успею.

Она подняла аппарат.

— Не снимайте.

— Почему?

— Потому что я сейчас похож на человека, который проиграл спор льдине.

— Именно поэтому.

Щёлкнул затвор. Тихон хотел возмутиться, но не стал. Мысль о том, что его ошибка останется где-то кроме собственной памяти, уже не казалась невыносимой.

Топливо стало новой мерой расстояния. Фролов каждое утро опускал в бак деревянную рейку и ставил на ней карандашную черту. Линии сближались.

— Сколько? — спрашивал Тихон.

— Если без глупостей — дней девять.

— А с глупостями?

— Мы уже считаем с ними.

Ветер почти исчез, паруса помогали мало. Мотор приходилось держать чаще, чем планировали. Один раз Фролов настоял остановиться прямо среди разводий.

— Подшипник греется.

— Сколько времени?

— Пока остынет.

— Лёд не будет ждать.

— Машина тоже.

Тихон хотел спорить, но Мефодий неожиданно поддержал машиниста.

— Сломанный мотор вежливее льда не станет.

Они легли в дрейф. Ильча смотрел на поля, Пашка таскал снег для охлаждения, Ольга сидела возле Фролова и подавала инструмент.

— Никогда не думала, что экспедиция состоит в основном из ожидания, — сказала она.

— Любая машина состоит из ожидания, — ответил Фролов. — Всё важное происходит между стуками.

Он снял крышку, показал ей блестящий металл.

— Вот это нагрелось. Если не заметить — потом поздно.

— Люди так же?

Фролов поднял голову.

— Люди хуже. У них крышку не снимешь.

Тихон услышал только конец разговора.

К вечеру мотор снова заработал, но половина дня ушла. В журнале Тихон записал задержку и не раздражился. Они потеряли время, но сохранили машину.

Когда началось сжатие, он вспомнил эту остановку особенно ясно. Осторожность не спасла от льда, но давала шанс заметить опасность раньше.

Глава восьмая. Последняя ночь «Луни»

После того как Фролов вытащил из кают-компания ящик с пластинами, «Луны» ещё держалась на льду. Она лежала на боку, приподнятая ледяным зубом, и казалась не разбитым судном, а зверем, который упрямо не хочет ложиться. Левый борт уже ушёл ниже, вода подбиралась к комингсам, но мачты стояли, снасти звенели на ветру, и из машинного люка ещё тянуло тёплым маслом.

— Больше никто не идёт, — сказал Тихон.

Он говорил прежде всего себе.

На льду лежали мешки, ящики, свёрнутая палатка, печка, бочонок керосина, оружие, штурманский ящик, журнал, две коробки с фотографическими пластинами. Всё это ещё утром было просто частью корабля. Теперь стало тем, от чего зависело, сколько дней они проживут.

Мефодий пересчитывал груз вслух. Ильча проверял полозья вельбота. Пашка бегал между ними, пока старик не схватил его за рукав.

— Стой. Если каждый будет спасать что вспомнил, половину утопим дважды. Сначала считаем.

Пашка остановился, тяжело дыша.

— Там мой бушлат.

— Будет новый.

— У меня другого нет.

— Значит, будет этот, когда лёд его весной выплюнет.

Пашка посмотрел на шхуну так, будто всерьёз рассчитывал дожидаться весны рядом с ней.

Фролов сидел на перевёрнутом ящике. Рука у него висела неловко, лицо было белым.

Ольга присела рядом и хотела разрезать рукав, но он не дал.

— Потом. Сначала машину надо осмотреть.

— Машину? — Тихон повернулся. — Какую машину?

Фролов посмотрел на накренившуюся «Луны» и впервые за всё время похода будто растерялся.

— Привычка.

Он сказал это без улыбки.

Тихон подошёл к борту. От шхуны отделяла всего одна сажень чёрной воды. Ледяной зуб под днищем время от времени вздрагивал. При каждом толчке дерево отвечало долгим стоном.

В каюте остался большой компасный фонарь, запас свечей, часть аптечки, два одеяла и коробка сухарей. Всё нужное. Всё уже не настолько нужное, чтобы отправлять человека на судно.

Тихон перечислял это про себя и чувствовал, как в голове появляется опасная арифметика: один шаг по трапу, пять минут внутри, одна коробка — ещё два дня пайка.

Так же когда-то выглядела карта «Керети»: четыре сажени, курс прежний, оснований менять нет.

— Даже не думай, — сказал Мефодий.

— Я ничего не сказал.

— Потому и говорю раньше.

Тихон отвернулся.

Ольга стояла возле камеры. Она спасла сам аппарат и несколько кассет, но тренога осталась на борту. Без неё длинную выдержку на льду почти невозможно было сделать.

— Можно поставить на ящик, — сказала она.

— Что?

— Камеру. Пока она ещё видна.

Тихон хотел ответить, что сейчас не до снимков. Но увидел её лицо и промолчал.

Ольга выбрала самый ровный ящик, поставила аппарат, укрыла его полкой пальто от ветра. Пашка держал сбоку доску, чтобы меньше трясло. Они работали молча, как будто снимок был такой же частью спасения, как палатка и сухари.

— Долго? — спросил Мефодий.

— Дольше, чем хотелось бы.

— Всё у фотографов так.

Ольга открыла затвор.

В эту минуту «Лунь» снова вздрогнула. С мачты посыпался иней. Где-то внутри глухо упало что-то тяжёлое.

Пашка дёрнулся.

— Не трогай, — сказала Ольга.

— Она сейчас уйдёт.

— Знаю.

— Тогда закрывайте!

— Рано.

Он смотрел то на неё, то на судно, не понимая, как можно ждать ради картинки, когда рядом тонет корабль.

Тихон понимал чуть лучше. Он сам стоял возле креста «Керети» и чувствовал необходимость, чтобы хотя бы что-нибудь осталось не только в памяти. Память слишком охотно меняла глубины после того, как всё происходило.

Затвор наконец закрылся.

— Есть, — сказала Ольга.

В ту же секунду ледяной зуб под килем лопнул.

Шхуна просела ещё на пол-аршина. Вода хлынула через разбитый люк. Пашка выругался словом, за которое Мефодий в другой день непременно дал бы ему подзатыльник. Сейчас старик только сказал:

— Теперь точно всё.

Они оттащили груз дальше от трещин.

Тихон взял журнал. Обложка была мокрой, на корешке выступила соль. Он раскрыл последние страницы. Его записи шли ровно до вечера: ветер северный, сжатие усиливается, разгрузка на лёд. Следующая строка оставалась пустой.

Он достал карандаш.

— Что пишете? — спросила Ольга.

— Чтобы потом не забыть.

Написал: «19 августа. Судно оставлено экипажем. Люди и основной запас сняты на лёд. Причина — сжатие».

Подумал и дописал: «Решение принято до разрушения корпуса».

Мефодий прочитал через плечо.

— Для комиссии?

— Для себя.

— Тогда второе важнее первого.

Тихон закрыл журнал.

Они поставили палатку за высоким торосом. До «Луни» было шагов двести, но ветер приносил скрип её снастей. Нельзя было не слушать.

Фролову перевязали плечо и уложили ближе к печке. Он сопротивлялся до тех пор, пока Ильча не сказал несколько слов на своём языке. Никто не понял, но Фролов почему-то перестал спорить.

— Что вы ему сказали? — спросил Пашка.

— Что рука его, а время наше.

— И всё?

— Ему хватило.

Пашка сел возле машиниста. Долго молчал, потом спросил:

— А мотор совсем пропадёт?

— Скорее всего.

— Жалко?

Фролов посмотрел на тёмный силуэт шхуны.

— Машину жалко, когда её можно починить. Когда нельзя — жалко человека, который к ней привык.

— А вы привыкли?

— Да.

— Тогда жалко вас.

Фролов хмыкнул и отвернулся к стенке палатки.

Тихон вышел наружу. Сумерек здесь почти не было, но белый северный свет стал серым. Ольга сидела на вельботе и перебирала кассеты.

— Если эта пластина выйдет, — сказала она, не поднимая головы, — будет последний снимок.

— Последний не всегда самый правильный.

— Фотография вообще не знает, что было до неё и после. Только один кусок времени.

— Тогда почему вы ей так верите?

Она закрыла ящик.

— Потому что люди знают ещё меньше, но уверены сильнее.

Тихон сел рядом.

— Мне кажется, я должен был сделать больше.

— Что именно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.